

Детский сад

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. Том 2. М.: Худ. литература, 1971. С. 231 - 235.

Илья Самойлович Бурмин служил старшим писцом в сиротском суде. Когда он овдовел, ему было около пятидесяти лет, а его дочке - семь. Сашенька была девочкой некрасивой, худенькой и малокровной; она плохо росла и так мало ела, что за обедом каждый раз приходилось ее стращать волком, трубочистом и городовым, Среди шума и кипучего движения большого города она напоминала те чахлые травинки, которые вырастают - бог весть каким образом - в расщелинах старых каменных построек.

Однажды она заболела. Вся ее болезнь заключалась в том, что она по целым дням безмолвно сидела в темном уголку, равнодушная ко всему на свете, тихая и печальная. Когда Бурмин ее спрашивал: "Что с тобой, Сашенька?" - она отвечала жалобным голосом: "Ничего, папа, мне просто скучно"...

Наконец Бурмин решил позвать доктора, жившего напротив. Доктор спустился в подвал, где Бурмин занимал правый задний угол, и долго искал места для своей енотовой шубы. Но так как все места были сыры и грязны, то он остался в шубе. Кругом его, но на почтительном расстоянии, столпились бабы - обитательницы того же подвала - и, подперши подбородки ладонями, глядели на доктора жалостными глазами и вздыхали, слыша слова "апатия", "анемия" и "рахитическое сложение".

- Ей нужно хорошее питание, - сказал строгим тоном доктор, - крепкий бульон, старый портвейн, свежие яйца и фрукты.

- Да, да... так, так, так, - твердил Илья Самойлович, привыкший еще у себя в сиротском суде к поддобиострастному согласию со всяким начальством.

В то же время он сокрушенно глядел вверх, на зеленые стекла окна и на пыльные герани, медленно умиравшие в промозглой атмосфере подвала.

- Всего важнее свежий воздух... Я бы особенно рекомендовал вашей дочери южный берег. Крыма и морские купанья...

- Да, да, да... Так, так...

- И виноградное лечение...

- Так-с, так-с... Виноградное...

- А главное, повторяю, свежий воздух и зелень, зелень, зелень... Затем, извините... Чрезвычайно занят... Что это? Нет, нет... не беру, с бедных не беру... Всегда бесплатно... Бедных всегда бесплатно... До свиданья-с.

Если бы у Ильи Самойловича потребовали для благополучия его дочери отдать на отсечение руку (но только - левую, правой он должен был писать), он ни на секунду не задумался бы. Но старый портвейн и - 18 рублей и 33 1/3 копеек жалованья...

Девочка хирела.

- Ну, скажи мне, Сашурочка, скажи моя кисинька, чего бы ты хотела? спрашивал Илья Самойлович, с тоской глядя в большие серьезные глаза дочери.

- Ничего, папа...

- Хочешь куклу, деточка? Большую куклу, которая закрывает глаза?

- Нет, папа. Ску-учно.

- Хочешь конфетку с картинкой? Яблочко? Башмачки желтые?

- Скучно!

Но однажды у нее явилось маленькое желание. Это случилось весной, когда пыльные герани ожили за своим зеленым стеклом, покрытым радужными разводами.

- Папа... в сад хочу... Возьми в сад... Там... листики зелененькие... травка... как у крестной в садике... Поедем к крестной, папочка...

Она только раз и была в саду, года два тому назад, когда провела два дня на даче у крестной матери, жены письмоводителя мирового судьи... Она, конечно, не могла помнить, как сенсационно швыряла "письмоводителька" чуть ли не в лицо своим кумовьям стаканами со спитым чаем, и как умышленно громко, тоном сценического а part [В сторону, про себя - франц.], ворчала она за перегородкой о всякой шушере, перекатной голи, которая и так далее...

- Хочу к крестной в сад, папочка...

- Хорошо, хорошо, деточка, не плачь, кисюринька моя, вот будет хорошая погодка, и в садик тогда